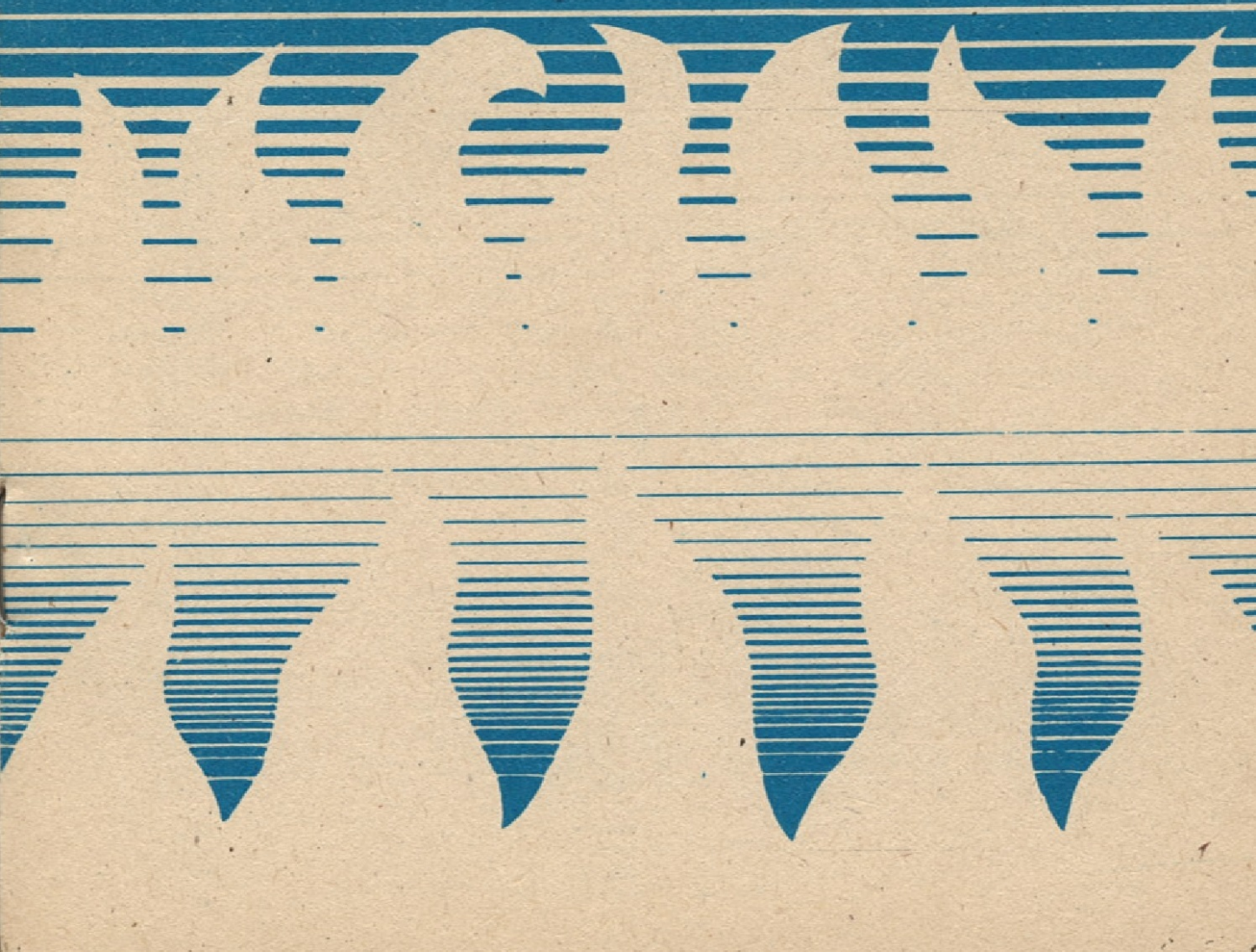
НЕЗНАКОМЫЙ ЯЗЫК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ



Пожалуй, нет никакого другого места в Св. Писании, которое вызывало бы сегодня столько споров и разногласий, как 14-я глава 1-го Послания к Коринфянам. Она описывает действие незнакомого языка, проявившегося в коринфской церкви. Интерес к этой главе вызван тем, что после почти 19-ти векового молчания незнакомый язык, с такими же характеристиками, что и в Коринфе, вновь заявил о своем существовании, но уже с гораздо большей силой, чем в первоапостольское время. Сегодня миллионы христиан говорят на незнакомом языке, другая же часть христиан относится к нему настороженно или враждебно.

Так что же это за феномен — «коринфский» язык? От Бога ли этот дар? Можно ли рассматривать явления, наблюдавшиеся в Коринфе, как норму и образец для подражания? Почему именно сегодня заговорили на незнакомом языке? Эти вопросы встали перед современным христианством, и мы попытаемся ответить на них. И самым лучшим будет, если в поисках ответа на эти вопросы мы обратимся к самому тексту Св. Писания.

Основа для рассуждения

Прежде, чем непосредственно приступить к анализу «коринфского» языка, апостол Павел подготовил богословскую платформу. В 12-й и 13-й главах Первого послания к Коринфянам изложены основные принципы, которым должны подчиняться духовные дарования.

«Что же касается даров духовных, братья, я не хочу, чтобы вы оставались в неведении. Вы знаете, что когда вы были язычниками, вы были влекомы к безгласным идолам против вашей воли» (1 Кор. 12, 1—2. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Новый перевод с греческого подлинника).

То, что говорит апостол Павел, хорошо известно коринфским верующим, которые в недавнем прошлом были язычниками и прекрасно знали, что происходило в языческих капищах. Мы же, не имея этих знаний, обратимся к другому источнику, к Иоанну Златоусту.

«В капищах идольских, когда кто бывал одержим нечистым духом и прорицал, то, как бы ведомый и связанный, был увлекаем духом и нисколько не сознавал того, что гово-

https://mscexb.ru
Проповеди
Свидетельства
Примеры
Адреса Домов Молитвы

рил. Гадателю свойственно быть в исступлении, терпеть принуждение, и насилие, увлекаться и неистовствовать, как бесноватому. А пророк же не таков, он говорит все с трезвою душою и здравым рассудком, зная, что он говорит. И смотри, как апостол устраняет всякое подозрение: он призывает в свидетели их самих, знавших это по опыту. Что я, говорит, не лгу, не клевещу и не измышляю на язычников, как враг их, тому свидетели вы сами: вы знаете, как будучи язычниками, вы были тогда ведомы и увлекаемы.

Если же кто станет считать и их, как верующих, свидетелями подозрительными, то я докажу вам это свидетельствами внешних язычников. Послушай Платона, который в апологии Сократа говорит так: «прорицатели и гадатели говорят много и хорошо, но сами вовсе не знают того, что говорят». Послушай и другого поэта, который говорит то же самое. «Когда кто-нибудь разными обрядами и волхвованиями вводит в человека беса, тогда этот человек начинает прорицать и, прорицая, рвать и терзать себя, не будучи в состоянии сносить насилие беса, и, таким образом, мог растерзать себя и погибнуть; подобным волхвователям он и говорил: «развяжите же, смертный не может более сносить Царя Бога...»

Все это и тому подобное,— ведь можно было бы сказать гораздо более,— доказывает и принуждение, с каким бесы удерживаются и служат, и насилие, какое люди терпят, однажды предавшие себя им и лишающиеся в это время здравого смысла.

Но у нас не так. Впрочем апостол не объясняет нашего, то есть того, что касается пророков, так им (коринфянам —А. М.) это было известно, и между ними были пророки, которые пророчествовали, как следовало, с рассудком и совершенно свободно. Они властны были говорить и не говорить: они не были принуждаемы, но вместе с честию сохраняли и волю. Поэтому и Иона убегал, поэтому и Иезекииль уклонялся, поэтому и Иеремия отрицался. Бог же не принуждал их насильно, но советовал, не помрачая рассудка. Бесу свойственно производить помешательство, неистовство и большое помрачение, а Богу — просвещать и сознательно учить тому, чему должно» (Творения св. Иоанна Златоуста, т. X, стр. 287).

В этом заключается первое различие между истинным даром и ложным.

Зачем апостол, начиная рассуждения о дарах духовных, побуждает коринфян вспомнить о своем языческом опыте? Уместны ли такие воспоминания, когда речь идет о проявлениях Духа Святого? Но ап. Павел, воспроизведя в памяти Коринфян языческие капища, побуждает верующих к сопоставлению и анализу Божественных даров и подделок под действия Божии, побуждая их проанализировать — не вернулся ли к ним их прежний опыт.

«Поэтому объявляю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не говорит: анафема Иисус, и никто не может сказать: Господь Иисус, иначе, как Духом Святым» (1 Кор. 12, 3. Новый перевод).

Здесь изложен второй критерий истинности дара: при проявлении истинного дара должно быть исповедание Иисуса как Господа. Правда, по учению Иоанна Златоуста этим принципом нужно пользоваться с осторожностью, так как и бесы могут произносить Божье имя. Вот как, например, говорил бесноватый Иисусу: «Знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий» (Мр. 1,24). Бес говорил это не добровольно, но будучи вынуждаем и мучим. Также бес кричал Павлу: «Сии человеки — рабы Бога Всевышнего» (Деян. 16, 17). Здесь нечистый дух хотел произвести замешательство, лишить апостолов чести и склонить многих слушать его самого.

Необходимо заметить, что речь идет об испытании дара, а точнее духа, стоящего за этим даром. Об этом говорит и ап. Иоанн: «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин. 4,1). Апостол Иоанн допускает, что и возрожденный христианин может поверить и оказаться под влиянием ложного духа. Но мы, к сожалению, часто ограничиваемся испытанием лишь самого человека, исповедует ли он Иисуса Господом или нет, а не духа, стоящего в этот момент за ним.

«Каждому дается проявление Духа на пользу» (1 Кор. 12,7). 4—31 стихи 12-й главы раскрывают третий принцип: дары духовные даны Богом на пользу Церкви. Сравнивая действия духовных дарований с предназначением различных членов тела, апостол показывает, что дары должны содействовать единению и росту Церкви как духовного организма. «Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: вы мне не нужны» (21). Так и в Церкви не может возникнуть вопрос, нужен ли тот или другой дар, потому что Церковь чувствует необходимость в божественных дарованиях, данных на пользу Церкви.

Тринадцатая глава вся — возвышенный гимн любви. Мы часто бываем просто загипнотизированы делением текста на главы и стихи, и воспринимаем текст изолированно, отрывая его от общей логики послания. И эта глава не лирическое отступление, а часть рассуждений о дарах духовных: дары хороши, но только в том случае, если применяются с любовью. Любовь же «не ищет своего», ставя на первое место интересы своего ближнего, а потом уже личные.

Итак, вот принципы, которым должен подчиняться истинный дар:

I. Не должно быть насилия над человеческой личностью. Разум не должен подвергаться помрачению, а воля должна оставаться свободной.

2. Должно быть прославление Иисуса как Господа.

3. Дар должен содействовать единению и росту Церкви.

4. Дар должен подчиняться принципу любви.

Особенности Первого послания к Коринфянам

Чтобы уяснить эти особенности, обратимся к восьмой главе, где речь идет об идоложертвенных яствах. И там апостол Павел говорит: «Мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого» (1 Кор. 8,4), и далее: «Но не у всех такое знание, некоторые и доныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное, как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется. Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных. Ибо, если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное? И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос» (1 Кор. 8,7 — 11).

Из этой главы можно сделать такие выводы:

1. Нельзя ничего делать на соблазн немощному брату, какими бы правильными познаниями ты ни обладал.

2. В принципе, можно сидеть и в капище и есть идоложертвенное, если нет рядом немощных и некому соблазняться.

Но второй вывод был бы ошибочным, так как в десятой главе апостол Павел, вновь возвращаясь к вопросу идоложертвенного, говорит: «Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника? Что же я говорю? то ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь? Нет; но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу; но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами» (1 Кор. 10,18—20).

Так апостол Павел подвел к пониманию того, что знание «сильных» в Коринфе только отчасти верно. Идол сам по себе — ничто, но за ним стоит нечистый дух. Поэтому находящийся в капище христианин подвергает себя бесовскому влиянию.

Почему апостол не сказал об этом сразу, в восьмой главе? Именно в этом Послании, как нигде, проявился отцовский

дух Павла. Реально представляя своих собеседников, он знает, сколько они могут вместить. И поэтому шаг за шагом, постепенно приводит к полноте понимания. Сначала он убеждает воздержаться от посещения языческого капища ради немощного брата, тем самым апеллируя к благородным чувствам «знающих», при этом апостол становится на платформу знания «прогрессивной» части церкви —«мы знаем» (4). А когда эта цель достигнута и «знающие» внутренне согласились с оставлением капищ, апостол приступает к разбору самого этого знания, показывая его неполноту и вредные последствия недопонимания.

С учетом этой постепенности мы будем при разборе 14-й главы сначала выделять главную мысль — в чем апостол Павел хотел убедить верующих в Коринфе, а уж потом смотреть, как он это делает.

14-я глава Первого послания к Коринфянам.

«Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать» (1 Кор. 14,1).

Вот так апостол предлагает практически осуществить принцип любви, ревнуя о наиболее полезном для церкви даре.

> «2 Ибо, кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; 3 А кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение. 4 Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. 5 Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание» (1 Кор. 14,2—5).

Может показаться, что в Коринфе происходило что-то особенно возвышенное: «говорит не людям, а Богу», «он тайны говорит духом» (2). Но если встать на платформу, которую апостол изложил в 12-й и 13-й главах, то происходящее в Коринфе предстанет в совершенно ином свете: почему же ты говоришь тайны Богу, когда церковь не получает назидания? При говорении на незнакомом языке нарушается принцип любви, так как любовь не ищет своего, а пользы ближнего своего. И это главная мысль данного отрывка.

> «6 Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъясняюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или уче-

нием? 7 И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят раздельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслях? 8 И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? 9 Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. 10 Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения; 11 Но, если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец. 12 Так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви» (1 Кор. 14,6—12).

Если истинное духовное дарование содействует единению Церкви и Церковь чувствует необходимость в духовных дарованиях, то в коринфской практике наблюдалось обратное — незнакомые языки разъединяли церковь. «Если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец» (11). Апостол сравнивает произношение невразумительных слов с разговором «на ветер» (9). Здесь Павел показывает нарушение третьего принципа — духовное дарование должно содействовать единению тела Христова.

«13 А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования. 14 Ибо, когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой и молится, но ум остается без плода. 15 Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом. 16 Ибо, если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет «аминь» при твоем благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. 17 Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. 18 Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; 19 но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14, 13—19).

Если мы освободимся от гипноза цифр, разделяющих текст на стихи, то увидим следующую взаимосвязь. Союз «ибо» (потому что), указывает на то, что 14-й стих является пояснением к 13-му стиху, а фраза «что же делать?» указывает на то, что 15-й стих является резюме предыдущих стихов. Учитывая эту взаимосвязь, можно прийти к выводу, что говорящий на незнакомом языке бесполезен не только для

других, но и для самого себя, так как ум его остается без плода. Не понимая значения слов, он и для самого себя становится чужестранцем. Этот изъян может быть устранен получением дара истолкования для самого себя. Если же этого не произойдет, то совершенно невозможно узнать, что произносится на незнакомом языке — прославление Христа или хула на Него. Неизвестно, чем наполнено «тайное» послание к Богу (2) — благословениями или проклятиями.

При этом нарушается и первый принцип истинности дара. Состояние «когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (14) близко к трансу, в котором находились языческие прорицатели и жрицы — пифии. На такое состояние апостол не дает разрешения, говоря: «Что же делать?», по другому переводу «что же должно быть?». Этому состоянию он противопоставляет следующее: «стану молиться духом, стану молиться и умом: буду петь духом, буду петь и умом» (15), призывая к участию ум человека. Проявление духа должно содействовать просветлению разума.

«Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор, 14,20).

После многих объяснений и доказательств апостол теперь употребляет речь более сильную, императивную. Дети часто недоумевают и изумляются при виде незначительных вещей, а при весьма великих не приходят в такое удивление. Так и коринфяне считали грандиозным, значительным то состояние, когда происходит помрачение разума и человек погружается в транс. Такой взгляд апостол порицает, призывая к активному действию разума.

Бог не для того наделил нас разумом, чтобы его отключать. Духи же зла делают это с удовольствием. Поэтому коринфскую увлеченность, не контролируемую разумом, апостол Павел характеризует как духовное детство (1 Кор. 14, 20).

Итак, в Коринфе произошло нарушение всех четырех принципов истинности дара.

Мы проследили главные мысли первой части Послания, то есть, в чем апостол хотел убедить коринфских верующих, а теперь обратим внимание на то, как он это делает.

Павел ведет разговор с большой осторожностью, стараясь не противопоставлять себя коринфянам. Он становится на их позицию, чтобы рассуждать вместе с ними и тем самым помочь им самим осознать свое положение и выйти из него.

Мы должны так же иметь в виду, что Коринф — это греческий город. В Древней Греции широко применялся метод

ведения дискуссии, изобретенный Сократом. Метод состоял из трех частей:

1. Принятие точки зрения оппонента;
2. Анализ этой позиции с помощью вопросов;
3. Вывод.

Именно этот метод ведения дискуссии использует ап. Павел в Послании к Коринфянам. Поэтому если мы будем иметь в виду только те стихи, где содержится принятие точки зрения коринфян, то у нас сложится совершенно неверное представление о позиции ап. Павла по этому вопросу. Для нас же важнее выводы апостола, которые в послании стоят после предлогов «а» или «но».

В начале главы апостол допускает: «Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя» (4). Но после того, как он показал, что нужно назидать церковь, из 13—15 стихов становится ясно, что назидание на незнакомом языке не носит просветительного характера, так как такой язык непонятен и самому говорящему, и фактически происходит лишь созидание собственного тщеславия.

Говоря «если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках» (6), апостол пользуется приемом гипотетической ситуации — для более ясного понимания ставит себя в положение, которое ему может быть и несвойственно. Он использует этот прием в Послании к Галатам (5, 11): «За что же гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание?» и в седьмой главе Послания к Римлянам, где он ставит себя в положение не пребывающего во Христе человека. И в выражении «когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (1 Кор. 14, 14) апостол опять применяет прием гипотетической ситуации, чтобы показать недопустимость такого состояния.

Согласно первому рассмотренному принципу истинности дарования, Бог ничего не предпринимает помимо воли человека, не превращает его в бездумного робота. Мы понимаем преимущество духа как главенство верховной части естества человека над разумом. Но человек не бесплотный дух, а существо, состоящее из духа, души и тела. Наш дух может выражаться только посредством нашей души. Если наш дух, например, получил какое-либо побуждение от Духа Божия, но при этом разум не осознал этого, и воля не дала согласия на это побуждение, то какими бы светлыми ни были побуждения нашего духа, они окажутся напрасными, так как орган выражения нашего духа — душа — оказалась парализованной.

Видимо, языческое представление о том, что для проявления божества необходимо отключение разума и воли человека, возобладало и в Коринфской церкви. Действию разума коринфские верующие противопоставили действие духа. Но то, что в Коринфе противопоставили, апостол соединяет: «стану молиться духом, стану молиться и умом» (15). Тем самым он выводит коринфских верующих из положения медиумов и предлагает встать на библейскую платформу разумного служения (Рим. 12, 1).

Фразой «благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками» (18) апостол отводит возможные обвинения в том, что он критикует этот дар из зависти, сам его не имея. Но сообщение «более всех вас говорю языками» предполагает знание этих языков, ведь чтобы пересчитать языки, которыми он говорит, апостол должен понимать их. У коринфян же был один язык, состоявший из «невразумительных слов» (9), которые не понимал ни произносящий их, ни слушающий.

> «21 В законе написано: «иными языками и иными устами буду говорить народу сему, но и тогда не послушают Меня, говорит Господь». 22 Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих. 23 Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие,— то не скажут ли, что вы беснуетесь? 24 Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. 25 И таким образом тайны сердца его обнаруживаются; и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: «истинно с вами Бог» (1 Кор. 14, 21—25).

В чем же суть «знамения для неверующих»? (22). Отвечая на этот вопрос, мы обычно обращаемся к событиям, происшедшим в день Пятидесятницы, когда иные языки, которые получили апостолы, содействовали делу евангелизации. «Незнакомый» же язык коринфян, напротив, отталкивал людей от Церкви и Евангелия (23). Пророчества же, которые даны «для верующих» (22), оказывали спасающее действие на необращенных (24). Таким образом, мы видим, что коринфский язык был бесполезен и для верующих, и для неверующих. Пророчество же полезно и для верующих, и для неверующих. Так в чем же смысл «знамения для неверующих?». И ответ на этот вопрос надо искать не в событиях, изложенных в Деяниях апостолов, но в Законе, куда и отсылает нас ап. Павел (21).

Моисей объявляет народу Израильскому о благословениях, которые пошлет Бог за повиновение Его голосу и за точное исполнение Его заповедей (Втор.28, 1—14), он объявляет так же и о тех проклятиях, которые постигнут народ за непослушание Его слову (Втор. 28, 15—68). Среди многих проклятий есть и наказание незнакомыми языками — «пошлет на тебя Господь народ издалека, от края земли; как орел налетит народ, которого языка ты не разумеешь» (Втор. 28, 49). И исполнение этих проклятий будет знамением или знаком непослушания Израиля —«они будут знамением и указанием на тебе и на семени твоем во век» (Втор. 28,46).

После того, как жители Иерусалима погрузились во всякого рода зло, тогда Господь послал Своих пророков, чрез которых объявил наказание жителям Иерусалима: «Вот, Я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит» (Иер. 5,15). «За то лепечущими устами и на чужом языке будут говорить к этому народу» (Ис. 28, 11).

В 33 гл. книги пророка Исаии Бог обещал послать благодатное время и тем, которые терпели наказание Божие за свое отступление, время изобилия, спасения, ведения, мудрости (ст. 6), и в это время они увидят Царя в Его красоте и тогда они больше не будут наказываться незнакомыми языками: «Не увидишь более народа свирепого, народа с глухою, невнятною речью, с языком странным, непонятным» (Ис. 33, 19). Поэтому «знамение незнакомых языков»— это знак не для внешних, но для самих коринфян, чтобы обнаружилось их непослушание Слову Божьему, что верующие впали в положение неверующих.

> «26 Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование,— все сие да будет к назиданию. 27 Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. 28 Если же не будет истолкования, то молчи в церкви, а говори себе и Богу. 29 И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают; 30 Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. 31 Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение. 32 И духи пророческие послушны пророкам, 33 Потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира» (1 Кор. 14, 26—33).

Апостол Павел допускает иные языки при условии их толкования, «перевода». Причем, в сочетании со стихом 13 мы видим, что языки должны подвергаться двойной проверке: их должен истолковывать сам говорящий (13—15) и еще кто-то другой. Только в этом случае можно избежать подлога.

«Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу» (28). Часто этот стих понимают как рекомендацию для домашнего упражнения в незнакомом языке. Но ведь здесь речь идет исключительно о духовных дарованиях, которые должны служить к назиданию церкви. Поэтому более верно толкование Иоанна Златоуста: «Если, говорит (Павел — А. М), ты не можешь молчать, если ты так честолюбив и тщеславен, то говори про себя. Таким дозволением он еще более запрещает, потому что приводит в стыд: «Если же нет истолкователя, то молчи в церкви», ничего не должно делать напрасно и по честолюбию. «Говори себе и Богу», то есть в уме, или тайно и без шума, если хочешь. Здесь он не заповедует, но, может быть, более запрещает, посредством такого дозволения, подобно как когда говорил: «а если кто голоден, пусть ест дома» (1 Кор. 11, 34), где, по-видимому, дозволяет, но тем самым сильно пристыжает» (Творения св. Иоанна Златоуста, т. X, стр. 371). О домашних же упражнениях в говорении языком здесь нет даже и речи.

«И духи пророческие послушны пророкам» (32 стих). Здесь апостол Павел утверждает, что говорение языками должно происходить при участии не только разума, но и воли.

> «Как во всех церквах у святых, жены в церквах да молчат, ибо не разрешается им говорить, но пусть будут послушны, как и Закон говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают дома своих мужей; ибо стыдно жене говорить в церкви. Или от вас Слово Божие вышло? Или до вас одних оно достигло? Если кто считает себя пророком или духовным, тот пусть познает то, что я пишу вам: что это — Господня заповедь. Если же кто не знает, его не знает Бог» (1 Кор. 14, 33—38. Новый перевод).

Заметим, что́ столь строгое запрещение относительно женщин является частью рассуждений о говорении на незнакомых языках. Похоже, что это было вызвано беспорядками, инициаторами которых были женщины — существа, наиболее подверженные обольщающим влияниям (1 Тим. 2,14).

«39 Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить языками. 40 Только все должно быть благопристойно и чинно» (1 Кор. 14, 39—40).

Подводя итог, побуждая ревновать о полезном для церкви духовном даровании, апостол Павел допускает говорение языками, если при этом будут соблюдены вышеперечисленные условия.

Итак, мы видим, что в 14-й главе речь идет о двух языках: языке, который был в коринфской церкви, и языке, которого желал апостол Павел. Первый состоял из невразумительных слов, не понятных ни для говорящего, ни для слушающих и произносимых в состоянии сомнамбулизма. Язык же, к которому подводил коринфян ап. Павел, должен был быть понятным для самого говорящего, его мог истолковать кто-то из находившихся в церкви, и говорящий человек при этом должен был сохранять полное самообладание. Именно этим требованиям отвечал иной язык, полученный апостолами в день Пятидесятницы. Св. Писание свидетельствует, что тогда проявились иностранные языки тех мест, из которых пришли паломники — «И все удивлялись и дивились, говоря между собой: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились?» (Деян. 2, 7—8). Поэтому коринфский язык не имеет ничего общего с феноменом Пятидесятницы.

Что же произошло с Коринфской церковью?

Как могли непонятные языки проникнуть в церковь? Верующие в Коринфе были поражены духовным недугом, который проявился в том, что вечеря Господня фактически была упразднена (1 Кор. 11, 20), и происходящее больше напоминало языческую оргию, посвященную богу веселия Дионисию (1 Кор. 11, 21—22); наблюдалось общение с бесами (1 Кор. 8,20; 10, 18—22); в церкви господствовала атмосфера смешения с язычеством (2 Кор. 6.14—17). Как видно, коринфские христиане еще во многом оставались во власти своего языческого прошлого.

Во Втором послании апостол Павел более ясно выражает состояние Коринфской церкви: «Но как змей обманул Еву хитростью своею, боюсь, как бы мысли ваши не развратились, отвращаясь от простоты и чистоты во Христе. Ибо если кто-то приходит и проповедует другого Иисуса, которого мы не проповедали, или если вы получаете духа иного, какого не получали, или Евангелие иное, какого не принимали,— то вы это прекрасно терпите» (2 Кор. 11,3—4. Новый перевод).

Результатом терпимости ко всякого рода обольщениям явилось то, что коринфяне фактически приняли иное евангелие, упразднив весть о воскресении мертвых (1 Кор. 15, 12). И Христос у них стал другой, не воскресший (1 Кор. 15, 13—19).

Но коринфяне приняли не только иное евангелие и другого Христа, но и иного духа. И 14-я глава 1 Кор. раскрывает беспорядки, производимые этим духом, проявившимся в говорении на непонятных языках.

Почти все духовные болезни в коринфской церкви были связаны с языческим прошлым коринфских христиан. Не является исключением и незнакомый язык. Каждый древнегреческий город имел свое особо почитаемое божество — покровителя. Характер этого божества определял психологию жителей города. Коринфу же покровительствовали два божества: Афродита и Аполлон. Культ богини любви Афродиты был связан со священной проституцией. Около тысячи жриц любви предлагали себя на улицах Коринфа каждому, кто готов был заплатить деньги. Поэтому вся атмосфера города была пропитана сладострастием, и никто не считал сексуальную связь с блудницей чем-то греховным.

На психологию жителей Коринфа оказывал не меньшее влияние и культ Аполлона (Светоносного). В Коринфе находился богатый и довольно известный храм, посвященный этому божеству. Согласно греческой мифологии именно Аполлон дал человеку разум. По представлению древних греков люди используют лишь 30 % возможностей своего разума. Во время мистерии, посвященной единению с Аполлоном, человек приходил в состояние экстаза, в нем, как считали греки, открывалась дверь в подсознание. В этот момент проявлялись неиспользуемые возможности разума. Внешне же это выражалось в говорении на языке, значение которого никто не понимал. Греки считали, что однажды пройдя во время экстаза в мир подсознания, в дальнейшем человек уже легко осуществляет этот переход.

Главное святилище Аполлону находилось в Дельфах. Дельфийский храм был разделен на 3 части. В «святое святых» храма могли войти лишь три посвященные жрицы — пифии и сам дельфийский оракул. Они входили туда на коленях, пифия взбиралась на высокий треножник, под ней зажигался фимиам. Дым обволакивал ее, она приходила в состояние экстаза и начинала говорить на незнакомом языке. Считалось, что в этот момент пифия входила в соприкосновение с божественным миром. Дельфийский оракул истолковывал незнакомый язык пифии и выйдя из храма возвещал волю богов. Жрецы Аполлона, находясь в

различных городах, имели мистическую связь с дельфийским храмом. Имел связь с Дельфами и коринфский храм Аполлона, и в нем также происходили мистерии с экстатическим говорением на незнакомом языке. Для жителей Коринфа такое говорение было обычным делом. Поэтому незнакомый язык, проявившийся в коринфской церкви, был связан с языческим прошлым коринфских верующих, а не с дарами Пятидесятницы.

В ветхозаветное время Бог говорил к Израилю через Своих пророков на их родном языке, а народ не слушал пророков Божиих. За непослушание Бог попустил ассирийцам завоевать земли и города Израиля. И тогда народу Израиля пришлось услышать чужой язык поработителей (Ис. 28, 12). Новозаветная Церковь не ведет войн с ассирийцами, ни с каким другим народом, ее брань — против «духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). И мы видим, как Бог попустил врагам нашим — бесам и демонам — произвести язык странный, непонятный через уста непослушных коринфян.

Незнакомый язык в «век потребления»

Прошли тысячелетия. Коринфские верующие, наставляемые апостолом, давно ушли из этой жизни, но дух, который производил расстройства Коринфской церкви, не исчез. В двадцатом веке мы вновь услышали язык, который никто не понимает. Это — знамение и указание на христиан, ушедших с пути веры в область ощущений и переживаний.

Возникает вопрос: может ли возрожденный христианин находиться под влиянием демонов? К сожалению, на этот вопрос мы должны ответить утвердительно. Апостолу Петру, только что исповедавшему по вдохновению от Бога Иисуса Сыном Божиим, Спаситель вынужден был сказать: «отойди от Меня, сатана!» (Мтф. 21, 23). Под влиянием сатаны оказалось сердце члена иерусалимской церкви Анании —«...но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому» (Деян. 5,3), Апостол Иаков говорит о двух источниках в сердце человека, которые осуществляют доступ к языку человека: «Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию: Из тех же уст исходит благословение и проклятие. Не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы: также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду. (Иак. 3, 9—12). Апостол Павел призывает: «и не давайте место диаволу» (Еф. 4, 27).

Если бы такой возможности не существовало, то не было бы этого предупреждения.

Часто можно услышать утверждение, что в Коринфе просто не правильно пользовались дарами Духа Святого. Но ведь Дух Святой не сила, которой мы можем пользоваться по собственной воле, а суверенная Личность. Никто не сможет принудить Бога к неправильным действиям. Мы не принимаем магического взгляда на дары Духа Святого. Для того, чтобы произошло какое-то сверхъестественное действие, необходимо, чтобы было два «да»: Божественное и человеческое. Если человек не выполняет Божественных условий, то Бог Себя не проявит в этом действии. Тогда речь можно вести не о даре Святого Духа, а о подделке под дар, которая инициируется или душевным напряжением, иди демоническими силами.

Почему же незнакомые языки, как массовое явление, проявились именно в 20-м веке? Ответ на этот вопрос мы также найдем в Послании к Коринфянам. Для этой церкви была характерна атмосфера смешения: истины и заблуждения, Божественного и бесовского, духовного и душевного. Но ведь эта болезнь смешения так характерна для современного христианства. Поэтому не удивительно, что вслед за коринфской болезнью идут и коринфские «дарования».

Мы живем в век «общества потребления». Дух мира сего, как это было и в коринфской церкви, оказывает влияние на современное христианство. Это проявляется в том, что жизнь, которую ведут большинство христиан, сосредоточена на себе и самоудовлетворении. Такой настрой полностью отторгает их от понимания духовной жизни. Такие люди обращаются к «духовной жизни» лишь как к новой форме самоудовлетворения. Ощущение «блаженства» и «мира», сопровождающее говорение на незнакомом языке — вот то, что так притягивает искателей приятных переживаний в религиозном опыте.

Но это вовсе не похоже на идеал христианский, который обращен к ежедневному очищению от греха, к жизни сораспятия, к постоянному отвержению своего греховного «я», как условию принятия жизни Божией. «Блаженство» и «мир», сопровождающие сомнительные, с библейской точки зрения, опыты направлены на чувственное ублажение человеческого «я»,— а это совершенная гибель для духовной жизни.

Поиск чудес и знамений Господь квалифицирует как духовную развращенность: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и

три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Еванг. от Матфея, 12,39—40). Единственным знамением, данным всему человечеству для уверования, является смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому только Крест может стоять в основе нашего спасения и истинной духовной жизни. «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия» (1 Коринф. 1,18). Поэтому пусть Господь поможет нам в этом лукавом и прелюбодейном мире держаться чистых истоков христианской жизни.

1
Н48

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ

Незнакомый язык — вчера и сегодня

Зак. 448. Тираж 50 000 экз.
Западно-Сибирская Христианская Миссия
630077, г. Новосибирск, а/я 101
Новосибирская типография № 4 ВО «Наука»
630077, Новосибирск, Станиславского 25